

ях О.Конта и К. Маркса, стадий процесса социальных изменений западного общества и переходного процесса в России составляет содержание временного аспекта культурной дифференциации. Пространственный аспект находит отражение в цивилизационных макротеориях или теориях культурных систем, на микроуровне - в различного рода построениях социокультурных типологий личности. Зачастую временной и пространственный аспекты культурной дифференциации сочетаются в одних и тех же исследованиях. Основания такого многоаспектного подхода были заложены М. Вебером. Его методология анализа интересующей нас проблемы успешно реализуется, например, в исследованиях лаборатории социологии Пермского государственного технического университета².

Таким образом, типологический подход достаточно прочно опирается на фундаментальные принципы историософского анализа. Он ориентирован на выявление общих тенденций социоструктурных изменений посредством изучения динамики культурных типов. Между тем, вопросы непосредственного плана, связанные с изменением способов социального структурирования вследствие динамики социального поведения людей в конкретных жизненных ситуациях, остаются вне сферы его внимания, составляя предметную область стилевого подхода, возникшего на пересечении микро- и макросоциологических концепций.

Литература

1. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
2. Проблемы стратификации российского общества в переходный к рынку период. Пермь, 1995.

И.В. Шапко

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Есть в творческом наследии Л.Н. Когана тема, актуальность которой сегодня ощущается, может быть, наиболее остро – проблема социальной справедливости.

Феномен справедливости на русской почве глубоко антиномичен. Даже отношение к нему в современной России двойственно. С одной стороны, понятие «справедливость», долгое время являвшееся смыслообразующим в обоснованиях социокультурной практики советского общества, в настоящее время оказалось оттесненным на второй план, перестало артикулироваться на концептуальном уровне. С другой стороны, многочисленные исследования ценностных ориентаций россиян фиксируют высокую значимость ценности социальной справедливости. Вот почему представля-

ется важным проанализировать бытование «социальной справедливости» на русской почве. Мы отдаем себе отчет в том, что конкретное наполнение этого феномена варьировалось на протяжении длительного периода существования российского социума, а его восприятие представителями различных социально-политических групп различно. И все же представляется важным выявить архетипические особенности социальной справедливости, ее инвариант в отечественной культуре, те общепринятые представления, которые воспринимаются как само собой разумеющиеся и существуют как «предубеждения».

Отметим некоторые из них:

1. Справедливость соотносится с абсолютной, божественной правдой (Понимание, осмысление этого феномена придает особую трагедийность пушкинскому – «Нет правды на земле, но правды нет и выше»). А.С.Ахиезер отмечает, что правда для русского человека – высшее воплощение всего положительного: «правда выше народа и выше России»¹. Правда представляет собой гипоцентр русской культуры, и в отличие от «кривды», которая обычно воплощается в образе некоторого носителя зла, имеет крайне неопределенный характер. Определенно можно сказать лишь, что она как бы «дается» сразу, целиком, что она обладает способностью к самоутверждению («правда кривду выведет»), она абсолютна, неделима и неуничтожима.

2. В тоже время справедливость принадлежит (или, по крайней мере, может принадлежать) человеку, ибо божественная правда «разлита» по всему посюстороннему миру, присутствует, наличествует в нем в силу эманации божественной сущности, и, следовательно, может быть взыскана. Причем, правда принципиально отлична от истины: первая абсолютна, божественна, сакральна; вторая – результат интеллектуального поиска, критической мысли человека, его разума и принадлежит светскому миру. Отсюда ясен тезис «справедливо, значит по правде, а не по закону», ибо правда принадлежит Богу, а закон - человеку.

3. Правда, а, следовательно, и справедливость, «разлита» в обществе неравномерно. Эманационная природа и язычества, и восточного христианства обусловила иерархизированное «распределение» Божественной правды по различным социальным слоям. Следствием этого стало признание большей степени божественности князей и более адекватное ощущение и осознание ими божьей, абсолютной правды, что делало их суд правдивее, божественнее, нежели всякий другой человеческий суд. Таким образом, фигура царя, верховного правителя сакрализировалась: монарх являлся не только помазанником Божиим, но и живым воплощением Бога на земле – аналогом Царя Небесного и Богом земным. Это означало придание его деяниям статуса божественных, справедливых. Кроме того, архаичное представление, что во главе социума находится отец рода, соединилось с византийским представлением о царе как земном Боге, и в результате в

России сложился уникальный феномен самодержавия. Максимум правды и справедливости принадлежит сакрализованному институту власти. При этом власть осознавалась (да осознается и по сей день) как онтологически истинная субстанция, проявляющая себя как воплощенная воля.

4. Попечительский характер российской власти обусловил восприятие **справедливости как дара** властителя. Подчеркнем, что в качестве властителя может выступать как глава государства (самодержец – в любых исторических ипостасях), так и «бунтарь». «Бунтарем» в российской культуре может быть всякий, кто инверсионен государству: это и Стенька Разин, и Емельян Пугачев, и большевики, и преступный клан. Все они, обладая властью, присваивают себе *право на справедливость*

В целом, бытование справедливости в отечественной культуре может быть оценено через антиномии сакрального и секулярного, мифологического и рационального, правды и права.

Литература

1. См.: Ахиезер С.А. Россия: критика исторического опыта: в 3-х т. М., 1991. С.248-249.

К.А. Мальцев

УХОД КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Сущность Ухода. Уход можно определить как особый культурный процесс. Он реализуется как в виде внутренней духовной и интеллектуальной отрешённости, так и в социальной практике. Уход выражается в персонифицированном творческом акте, независимо от того, кем он осуществляется – отдельно взятой личностью или же социально организованной общностью.

По своей сущности Уход есть следствие конфликтной ситуации, момента преодоления в культуре. В такие моменты личность переживает скрытую или явную угрозу своему «Я». Это внутреннее «Я», ранее пребывавшее в состоянии сна, обнаруживает себя, взывая к отождествлению с личностью. В этом акте происходит превращение «Я» в мировоззрение, т.е. творческий процесс реализации потенции.

Здесь Уход в своём философском значении отталкивается от проблемы бытия. В Уходе бытие воспринимается не как существование в широком смысле, а переживается (претерпевается) в качестве неосуществлённой личной судьбы, человеческого удела, искомого средоточия идеального и трагического. Духовный поиск сущности бытия - идеального, разумного, божественного - как благодатной страны для умиротворения духа, беспокойное и страстное стремление к приюту души и сердца – в этом